

На правах рукописи

БУКАТАЯ Марина Владимировна

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

10 ФЕВ 2011

Кемерово 2010

4853897

На правах рукописи

БУКАТАЯ Марина Владимировна

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Кемерово 2010

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки ГОУ
ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ушакова Елена Владимировна

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Марков Виктор Иванович

кандидат исторических наук, профессор
Комиссаров Сергей Александрович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайская государственная
педагогическая академия»

Защита состоится 27 декабря 2010 г. в 12:00 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 210.006.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора культурологии при ФГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет культуры и искусств» по адресу: 650029,
г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кемеровского го-
сударственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан «   » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Н. И. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный мир изменяется быстрыми темпами, намечаются сдвиги в психологии общества, возникает необходимость осмысления нарастающей динамики социальных изменений в аспекте сохранения традиции в современной культурной жизни. В рамках межкультурных коммуникаций интерес представляют ценности духовных традиций Китая, которые составляют стержень национального характера носителей его культуры. Эти основы все чаще подвергаются испытаниям, обусловленным необходимостью выбора адекватной реакции на вызовы современности в условиях влияния официальной идеологии, национальной специфики, процессов «вестернизации» и модернизации.

В усложняющихся социумах разных стран, вовлеченных в процессы глобализации, ярко выделяются очертания культурных миров разного порядка как основ индивидуальной, этнокультурной и социальной жизни. Человек, семья, национальность и нация – каждое из этих образований обладает собственными культурными особенностями и творческим опытом, что создает предпосылки для самоидентичности, обмена достижениями, переосмысления устоявшихся традиций и заимствования конструктивных элементов для придания импульса собственному развитию социального субъекта, а также поиска сходных компонентов, создающих основания для духовной консолидации. В указанной динамике взаимодействий культурных традиций на разных уровнях социальной организации возникает ряд культурологических вопросов их адекватного научного исследования на базе соответствующей методологии и научных методов.

Неугасающий интерес отечественных и зарубежных аналитиков и ученых к Китаю, планомерно отыскивающему оптимальные пути сочетания традиций и новаций в современной конъюнктурной оболочке глобализации, подкрепляется многомерной спецификой феномена этого государства. В современных исследованиях культуры Китая уделяется большое внимание ее особым характеристикам – жизнеспособности и свойству активно усваивать передовые достижения цивилизации.

Население Китая составляет около четверти всего человечества, а с учетом многочисленной диаспоры за рубежом, одаренной талантом достижения экономического успеха, возможности его человеческих ресурсов возрастают. В сознании жителей этой страны и большинства китайских эмигрантов закреплена идея о приобщенности к своей культуре, которая несет в себе одну из мощнейших традиций человечества. Эта традиционная культура содержит уникальные ценности и ценностные установки, закладывающие аксиологические основания развития китайского общества. Многие из них органично прижились в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, а гибкая китайская традиция творчески вобрала в себя некоторые элементы культур Индии, Кореи, Японии, стран Центральной

Азии, а также отдельные достижения Запада и России. В настоящее время движение истории вновь актуализирует проблему ассимиляции ряда иностранных идей в китайской действительности.

Аксиологическая проблематика приобретает и геополитическое звучание в связи с транслирующейся в мировом масштабе идеологией распространения американских ценностей, подаваемых как наиболее прогрессивные и универсальные. Кроме того, Китай имеет протяженную общую границу и опыт разнообразного взаимодействия с нашей страной. Поэтому его культура представляет интерес в исследовательском плане – как в общепанорамном виде, так и в отношении взаимосвязи с другими государствами, в том числе и с Россией. Понимание исторически сложившихся традиций, а также новаций и инноваций современного Китая имеет не только культурфилософское, социогуманитарное, но и геополитическое значение.

Социокультурная ситуация начала XXI в. остро ставит проблему поиска оптимального варианта сосуществования государств в глобализирующемся мире. Это особенно актуально для такой большой и гипернаселенной страны, как Китай, уверенно вставшей на путь продвижения к мировому лидерству в условиях жесткой конкуренции других государств. Преодолеть этот путь может лишь страна, имеющая прочный социокультурный базис и жизнеспособные традиции, неразрывно связанные с новациями и трансформацией современной жизни.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время в отечественных исследованиях появляется довольно много работ, посвященных Китаю, но некоторые комплексные проблемы его социокультурного развития остаются недостаточно разработанными и нуждаются в дальнейшей разработке. Кроме того, постоянно нарастает массив новых материалов в англоязычной и китайской литературе, которые требуют своевременного осмысления и введения в общий контекст исследований.

Первостепенная роль в изучении диссертационной темы связана с выбором тех теоретико-методологических положений, которые позволяют интегрировать достижения традиционной культуры и современных ценностей. В отмеченном аспекте мы опирались на работы Т.П. Григорьевой, П.С. Гуревича, М.Е. Кравцовой, Т.А. Семилет, Е.В. Ушаковой.

Проблемы ценностей и ценностных ориентиров различных национальных культур исследованы зарубежными учеными Э. Гуссерлем, Г. Спенсером, М. Шелером, Н. Гартманом и др. Данная проблематика также подробно освещается в трудах современных отечественных ученых Г.П. Выжлецова, В.В. Ильина, М.С. Кагана.

В рамках отечественной китаеведческой школы были проведены глубокие исследования разнообразных культурфилософских течений и исторических оснований духовной культуры Китая. Разносторонний анализ конфуцианской традиции проводили В.Г. Буров, А.И. Кобзев, В.В. Малявин, Л.С. Переломов, И.И. Семенов и др. Освещение различных аспек-

тов учения даосизма представлено в трудах Е.А. Торчинова, Л.С. Васильева, В.В. Малявина, И.И. Семененко. При изучении буддийской традиции мы опирались на работы Н.В. Абаева, Е.В. Завадской, А.А. Маслова, А.В. Чебунина, Л.Е. Янгутова и др.

Значительный вклад в изучение проблемы китайских традиций внесли В.М. Алексеев, Л.Е. Бежин, Л.С. Васильев, П.М. Кожин, Н.И. Конрад, И.С. Лисевич, В.В. Малявин, Г.А. Ткаченко и др. Особенности соотношения традиции и модернизации в китайском обществе в разных аспектах рассматриваются в работах Я.М. Бергера, В.Г. Бурова, Л.П. Делюсина, В.В. Малявина, О.В. Почагиной, М.Л. Титаренко, С.А. Торопцева и др.

Информативным является исследование М.Е. Кравцовой «История культуры Китая», где в сжатой и емкой форме дана характеристика ключевых особенностей китайской культуры от глубокой древности до современности. В нем затрагиваются вопросы уникальных свойств китайских представлений о мире и человеке, специфики верований, философских учений, политической и художественной культуры и т.д. Используемые в диссертации труды В.В. Малявина по культуре позднихханьского («Империя ученых») и минского («Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин») периодов истории Китая, а также всесторонние исследования конфуцианской, даосской и буддийской традиций («Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени», «Духовный опыт Китая», «Китайская цивилизация» и др.) представляют неоспоримую значимость при глубоком осмыслении китайской культурной проблематики. Актуальная и требующая комплексного рассмотрения тема функционирования китайских традиционных духовных убеждений в условиях современности рассмотрена в его работе «Китай управляемый. Старый добрый менеджмент». К числу авторитетных материалов, несомненно, следует отнести фундаментальные работы Л.С. Васильева «Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета)», «Проблемы генезиса китайской цивилизации», «Культы, религии, традиции в Китае» и др., содержащие анализ важнейших достижений и аспектов культурного развития Китая. Большой интерес представляют результаты исследований ценностной природы китайской культуры, проведенные К.М. Тертицким (1992 г.), в сравнении с сегодняшним положением в этой сфере, на освещение которого нацелена данная работа.

Труды представителей французской синологии В. Елисефф, Д. Елисефф (школа Анналов), М. Гране и Р. Груссе содержат подробные сведения о культурфилософских основаниях древнего и средневекового Китая. Результаты их изысканий значительно помогают реконструировать образ китайской цивилизации указанного времени. Заметим, что Л.Н. Гумилев – один из крупнейших представителей евразийства, на концепции которого мы также опираемся в данной работе, – уделял большое внимание изучению наследия французских ориенталистов и применял их достижения в своих фундаментальных трудах.

Кроме того, с точки зрения рассмотрения процесса международного культурного взаимодействия, внесшего вклад в формирование целостности китайской культуры, ценными являются работы В.Г. Дацьшена, Д.В. Дубровской, З.Д. Катковой, И.Н. Машкиной, О.Л. Фишман, Э. Шефера и др. В диссертации также использовались описательно-аналитические работы по истории Китая А.В. Меликсетова, Р. Крюгера, Д. Уинтла, Ч. Фицджеральда.

Нами проработана литература о культуре Китая с позиций истории и современности, в том числе китаеязычная версия широко известной книги писателя, философа и ученого Линь Юйтана (1895-1976 гг.) «Моя страна и мой народ» (ее публикация на русском языке пока не состоялась). Также нами проанализирована работа тайваньского историка и писателя Бо Яна (1920-2008 гг.) «Отвратительный китаец», содержащая критику быта и жизненных принципов своих соотечественников. Анализ современного состояния китайского общества и предпосылок его складывания содержится в монографиях и публикациях зарубежных ученых Д. Бэлла, А. Дирлика, Ш. Лу, Ван Мэна, Чжан Иу, Чжоу Гуйдяня и др. Общая картина китайской культуры показана в соответствии с национальным видением в педагогических трудах КНР «Краткий курс традиционной культуры Китая» под редакцией Тянь Гуанлиня и «Китайская культура: изучение и практическое использование» под редакцией Су Фэна, изданных в 2006 г.

Использованы классические источники в переводе ведущих ученых: «Лунь юй» («Суждения и беседы») в переводах Л.С. Переломова и П.С. Попова; «Чжуан-цзы» в переводе В.В. Малявина; «И-цзин» («Книга перемен») в переводе Ю.К. Щуцкого; «Ши цзин» в переводе А.А. Штукина; «Да сюэ» в переводе Юй Кана; «Сунь-цзы» в переводе Н.И. Конрада; «Чжун юн» («Учение о середине») в переводе В.Г. Бурова; «Дао-Дэ цзин» в переводе Ян Хиншуна и др. Изучены тексты «Ли цзи» («Записи о ритуале»), «Мэн-цзы» и «Мо-цзы» на языке оригинала.

Нашу источниковую базу также расширяют ранние описательно-аналитические работы И.Я. Коростовца, Д.И. Котляр, Т. Богданович о современном им Китае конца XIX – начала XX вв. Представляет несомненный интерес книга «Китайские характеристики» протестантского миссионера А. Смита (1845-1932 гг.), прожившего в Китае 54 года. Перевод некоторых ее глав с немецкой версии на русский язык выполнен в начале предыдущего века и опубликован под обобщенным названием «Китай и его жизнь». Также изучены изданные на русском языке труды другого протестантского миссионера Д. Макгована, французского ученого Э. Реклю, немецкого путешественника Э. фон Гессе-Вартега.

Проблему настоящего исследования составляет противоречие между, с одной стороны, происходящим на наших глазах мощным развитием Китая, его всесторонней модернизацией и укреплением позиций на мировой арене, и, с другой стороны, традиционной обращенностью к собствен-

ным истокам и концентрацией на внутренних процессах. В связи с этим проблема специфики соотношения традиции и новаций в культуре Китая, недостаточно освещенная в литературе, приобретает теоретическое и практическое значение.

Объектом исследования является культура Китая как саморазвивающаяся целостность.

Предмет исследования – аксиологический аспект взаимосвязи традиций и современной культуры Китая.

Цель диссертации: раскрыть аксиологические основы культуры Китая во взаимосвязи традиций и современности.

На основании представленной цели сформулированы следующие **задачи диссертации:**

1. Исследовать базовые черты традиционной культуры Китая и их ценностное содержание.

2. Рассмотреть внешние и внутренние факторы развития китайской культуры, определившие ее самобытность.

3. Охарактеризовать единство и полиморфизм культурных традиций Китая.

4. Проанализировать систему универсальных ценностей китайской культуры в эволюционном аспекте.

5. Рассмотреть процессы упадка и возрождения традиций в современной культуре Китая.

6. Рассмотреть взаимосвязь ценностных оснований традиции и прагматики жизни в культуре современного Китая.

Методологическая основа диссертации опирается на принципы диалектики, системности, герменевтики, экстраполяции и семиотики. Представлены также метод сравнительно-исторического анализа, позволивший выявить особенности динамики трансформации элементов системы ценностей, и метод кросскультурного сравнения для определения принципиальных различий в аксиологических установках западной и китайской культур.

Научная новизна исследования:

1. Аргументировано, что традиционная культура Китая целостна и полиструктурна: в ней сосуществует несколько основных направлений в духовной культуре, находящихся во взаимодействии – конфуцианство, даосизм, буддизм, детерминирующих ее полиморфизм и синкретизм. Для каждого учения характерны собственные ценностные ориентации: для конфуцианства – совершенствование личности; даосские подвижники преклонялись перед естественностью жизни; буддисты стремились достичь ясности сознания (для монахов – всеобщая любовь и взаимовыгода).

2. Обосновано, что процесс влияния межкультурных контактов на ценностные основы традиционной культуры Китая обусловил следующие этапы: первый – взаимодействие разрозненных культурных образований

в процессе интеграции в единое государство к 221 г. до н. э. (XVI–XV вв. до н. э. – начало III в. до н. э.), второй – взаимообогащение традиций в системе евразийских стран и народов (начало III в. до н. э. – вторая половина VIII в.) и третий – своеобразная «культурная прививка» в ходе завоевательных нашествий кочевых народов, агрессивных торговых и религиозных воздействий представителей Запада (вторая половина VIII в. – вторая половина XIX в.).

3. Доказано, что китайская культура с ее древнейшими традициями и непрерывным развитием, базируется на диалектике элитарной и народной форм, каждая из которых обладает чертами полиморфизма и общими ценностными основаниями, позволяющими устойчиво существовать самому многонаселенному государству планеты.

4. Показано, что укорененная в исторической традиции китайская культура базируется на совокупности ключевых национально-культурных ценностей: ценность духовной свободы человека и его соотносительности с природой (воплощенная в даосизме), ценности гармонии социального бытия (преобладающие в конфуцианстве) и ценности жизненного пути человека, ведущие к слиянию с абсолютной истиной (проповедуемые буддизмом).

5. Выявлено, что в современном китайском обществе имеет место диалектика отношений традиций (базирующихся на константных внутрикультурных ценностях), новаций (формирующихся на базе модернизации традиционных ценностей) и инноваций (базирующихся на использовании принципиально новых для данного культурного контекста ценностных идей). В XX в. в Китае неоднократно происходили подъем и упадок в восприятии ценностей, сопровождавших переход страны из феодализма в социализм, впоследствии приобретшим «рыночную» окраску и национальную специфику. В итоге к настоящему времени сложился смешанный тип социокультурных отношений, где присутствуют конфуцианские ценности, партийные установки, западные образцы поведения.

6. Обосновано, что особое место в китайской культуре занимает прагматизм, который претерпевает изменения от исходных «деятельностных форм» народной культуры до прагматики конфуцианского, легистского и моистского образцов и рыночного либерально-демократического прагматизма современной цивилизации. Прагматизм связывает китайскую традицию с миром западной культуры, определяя одновременно и сходство, и различие в поведении субъектов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В китайской традиционной культуре для народной среды в силу ее утилитарной религиозности характерен синкретизм местных культов, элементов конфуцианства, даосизма и буддизма. В образованных слоях общества, где преобладали атеистически-рационалистические воззрения, каждое из трех учений занимало определенную аксиологическую нишу в духовно-нравственной организации их жизни: даосизм давал основания

для духовного бытия, конфуцианство регламентировало общественные отношения, а буддизм был проводником в жизнь загробную. В этих направлениях культуры доминирует ценностно-праксиологическое отношение к миру, выявленное на основе деятельностного подхода. В отношении конфуцианства примером этого может служить цитата из «Лунь юй»: «зная, что ничего не получится, все-таки продолжает свое дело». В даосизме «недеяние» подразумевает достижение единства с Дао и осуществление спонтанного действия в унисон с естественным ходом вещей. Чань-буддизм опирается на динамическую медитацию и другие виды достижения просветления личной практикой адепта.

2. В конфуцианстве возрождена и укреплена традиция, ставшая в его свете императивом китайского социально-политического сознания. Это создавало почву для ощущения жителями Китая национального достоинства и самодостаточности, избирательности по отношению к новым знаниям на основе добродетели, примата обеспечения мира и общественного порядка в государстве. Эта традиция транслировалась на протяжении многих веков, несмотря на разноплановые воздействия извне на культуру Китая. Ее историческое бытование испытывало влияние даосизма и буддизма, соприкасалось с исламом и христианскими конфессиями. Их взаимодействия как основы ценностной трансформации позволяют дать интерпретацию периодов китайской культуры.

3. Китайская культура включает в себя ряд характеристик, обладающих ценностным потенциалом и определяющих ее специфику по сравнению с другими культурами. Полиморфизм, парадоксальность, различные преломления этики «лица» и межличностных связей («гуаньси»), субкультурная и региональная дифференциация традиций обусловили многоликость китайской цивилизации. В китайской культуре присутствует уникальное сочетание архаики и классики, религиозных верований и философии, конкретных и абстрактных знаний, духовной свободы и строгого управления, что уходит своими корнями в глубину веков и воплощает единство данной культуры в ее многообразии.

4. Система традиционных китайских социокультурных ценностей опирается на единство противоположных начал: на социальную иерархию как необходимость и на равенство как идеал жизни. В этой системе присутствуют определяющие ключевые национально-исторические ценности, воплощенные в конфуцианстве, даосизме, буддизме. Специфика культурных традиций современного общества в Китае определяется осознанием его гражданами необходимости встраивать устоявшиеся нормы в архитектуру нового социального порядка, в котором ведущим является стремление к экономическому успеху.

5. Несмотря на частичную акцептацию некоторых глобальных ценностей и ориентиров – индивидуализма, нонконформизма, наращивания экономической мощи, разработки ресурсно-сырьевой базы за пределами соб-

ственной территории, технологизации жизни общества и роста значения в ней развлекательного сектора и т.д. – Китай все же объективно не может обойтись без традиционного развития трудоемких отраслей, поддержки крестьянства и обеспечения условий для его рационального природопользования, а также без повышения престижа своей самобытной культуры для предотвращения «духовной амнезии». Это определяет взаимосвязь традиций, новаций и инноваций в культуре Китая.

6. В современной китайской культуре нарастают противоречия во взаимодействии реалий жизни, с которыми связан китайский практичный характер, и виртуальной информационной реальности, носящей внешний характер. Однако в силу мощного притока капитализма в страну возрастает влияние меркантильного компонента мышления и культа материально-финансового стяжательства. Это, в свою очередь, трансформирует традиционный китайский прагматизм, доводя его до крайних форм.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что материалы и выводы проведенных исследований вносят определенный вклад в разработку культурфилософских вопросов о взаимосвязи традиций и новаций в условиях быстро изменяющегося мира. Результаты работы конкретизируют понятия «традиция», «новация», «инновация», позволяют интегрировать достижения культурологии, психологии, социологии, философии, расширяют проблемное поле культурологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть применены при создании обобщающих и специальных трудов аксиологической направленности в исследовании китайской культуры. Результаты работы также могут быть задействованы для составления информационно-справочной литературы и методических рекомендаций в подготовке учебных пособий и учебных курсов по философии, культурологии, социологии, а также в качестве основы для дальнейшей разработки затронутых в исследовании проблем и построения оптимальных моделей взаимодействий во внешнеэкономической деятельности с участием китайских партнеров.

Апробация работы. Основные результаты настоящего исследования обсуждались на IV международной научно-практической конференции «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения» (Барнаул; 2008); всероссийской научно-технической конференции «Интеллектуальный потенциал ученых России» (Барнаул; 2007); всероссийской научно-технической конференции «Интеллектуальный потенциал ученых России» (Барнаул; 2009); всероссийской научно-практической конференции «Философия, методология и история знаний» (Барнаул; 2009); всероссийской научной конференции «Социальные процессы в современной Западной Сибири» (Горно-Алтайск; 2009); межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарного знания в философии и культурологии» (Барнаул; 2010).

Диссертация в полном объеме обсуждалась на заседании кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского филиала Московского государственного университета культуры и искусств.

Структура диссертации обусловлена целью настоящего исследования и отражает последовательность решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и библиографического списка (203 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются цели и задачи, а также новизна работы и положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Культура Китая в контексте мировой культуры: традиционные основы, внешние влияния и внутренние трансформации» рассмотрены ценностное значение основных констант китайской традиционной культуры и особенности опыта ее взаимодействий с традициями других государств и этнических общностей.

Параграф 1.1 «Традиционная культура как ценность китайского общества» посвящен осмыслению традиционной китайской культуры в аспекте выявления ценностного потенциала ее основных феноменов. Для комплексного изучения культуры автором применен системный подход. Для выявления ценностно-духовного содержания культуры использован аксиологический методологический принцип, обоснованный в концепции Г.П. Выжлецова. Отмеченный подход и принцип легли в основу реализации исследовательской задачи первого параграфа.

Свою традиционную культуру жители Китая считают общей ценностью индивидуального и социального характера. Но проявления этой ценности различны, могут быть представлены разными учениями, сторонами данной культуры или их сочетанием. Так, почтение к тексту и внимание к устному слову составляли важную часть ценностного восприятия китайской культуры. Показано, что классическая китайская культура сложноорганизованного социума, наряду с ее соотнесенностью с письменной иероглифической традицией, закономерно проявляла себя и в особенностях речевой коммуникации. Конфуцианцы придерживались мнения о том, что человек – существо социальное и призвано развиваться в обществе, которое, чтобы называться цивилизованным, должно обладать нравственными ценностями. В таком обществе в процессе коммуникации с другими людьми реализуются человечность («жэнь») и долг («и») как одни из важнейших добродетелей. А ритуал («ли») и музыка («юэ») составляют тандем взаимосвязанных понятий, определяющий высокий культурный уровень организации социума, воспитание в нем благородных нравов и поддержание порядка.

Даосизм можно квалифицировать как натуралистически и космологически ориентированную философию. Он рассматривал человека как микрокосм, а вселенную – как макрокосм; при этом его сути была глубоко чужда идея подчинения природы. Даосизм предлагал проникнуться ее нормами и законами, влиться в ход саморегуляции, чтобы воспользоваться ее дарами. Это учение проповедовало неконфликтность поведения, что и в современных условиях достаточно агрессивной среды обладает выраженной аксиологической значимостью. В даосской философии содержатся акценты на «пестовании жизни» («ян шэн»), управлении страной и абсолютной духовной свободе.

Китаизация буддизма в наивысшем выражении проявилась в характере школы Чань. Это учение довольно значительно отличается от индийского буддизма, располагает проработкой стратегии продвижения к просветлению сознания в реальном времени. Ему не свойственна апология всемогущества умственного анализа, у него нет фиксированных объектов поклонения, обращенности к будущей нирване. Чань-буддизм существует в свободе ума следования собственной природе, в просторе интуиции, в очищении сознания от заблуждений, его опустошении.

Народное сознание традиционно отличалось аполитичностью, приверженностью к ценностям труда, семейного согласия и терпения («жэнь»), которое представляло собой своеобразную проекцию конфуцианской человечности на более приземленный образ жизни крестьянина. С одной стороны, общинные принципы сельской жизни действовали в масштабе всего государства, а с другой, подспудное улавливание значения норм и ценностей образованных слоев китайского общества обуславливало трансполяцию основных понятий, понимаемых в народе упрощенно. Кроме того, клановые или семейные объединения опирались на общие принципы доминирования представителей старшего поколения и их ответственности за укрепление позиций сообщества, а также заботы о продвижении младших членов, успехи которых воспринимались как относящиеся к группе в целом.

Проведенный анализ материала позволил автору сформулировать нижеследующие выводы. Прежде всего, традиционная культура Китая целостна и полиструктурна, имеет несколько корней в виде конфуцианства, даосизма, китайского буддизма и народных воззрений и верований. При этом язык культуры отличается образностью, сопряжением абстрактного и конкретного. Это обеспечивается особым знаковым строем – языком иероглифов, которые сочетают символичность и конкретность. Ценностные установки китайской традиционной культуры (например, тезис «гармония всего ценней, терпение всего выше» («хэ вэй гуй, жэнь вэй гао»), даосский принцип совместного рождения («бин шэн») всего сущего и буддийский – «у всего содеянного обязательно есть воздаяние (возмездие)» («ю инь би ю го»), а также мн. др.) формируют уравновешенное праксиологическое

отношение к миру и закладывают фундамент системы ценностей жителей Китая.

Параграф 1.2 «Внешние и внутренние факторы развития самобытной культуры Китая» раскрывает особенности ее взаимодействий с азиатскими и западными культурами.

Отмечено, что с древнейших времен имела место не только доминирующая роль цивилизации Шан-Инь как прародительницы общекитайской культуры, но и других племенных образований, обладавших развитым культурным потенциалом и участвовавших в этнической консолидации китайцев. Объединение княжеств под началом династии Цинь в 221 г. до н. э. стимулировало сближение разнородных культурных ценностей и интеграцию их наиболее адаптивных фрагментов, таких как лаконичная письменность Лу и Ци, в период династии Хань известная как «гувэнь» («древние письмена»); культовая опора традиций Чжоу, оставшегося духовным центром и во времена раздробленности; мистицизм жителей Чу; разнообразные уникальные ремесленные технологии различных княжеств и т.д. Факт образования империи из разных народов под эгидой китайской культуры имеет ценность как сближающий эпизод их общей исторической судьбы и опора концепции гармоничного синтеза этнического разнообразия.

Взаимодействие Китая с индийской цивилизацией ознаменовалось вхождением в его культуру буддизма. Вместе с новым учением в китайскую культуру проникли ценностные представления, кардинально отличающиеся от даосских. Это, например, идеи достижения блаженства через освобождение от телесного существования и стремления вырваться из сансары, которые противоположны идеям долголетия и принятия судьбы в даосизме.

В период династии Тан (618-907 гг.) китайская культура вобрала в себя большое количество экзотичных элементов «внешних» культур. Началось распространение христианства и ислама. Однако и в этот период восприимчивости к инокультурным веяниям сохранялось исконное ощущение собственного культурного превосходства жителей Китая над окружающими народами.

Во второй половине VIII в. в Китае произошла череда политических эксцессов с негативными культурными последствиями. К ним можно отнести нестабильность государственного положения (которой воспользовались тибетцы, уйгуры, тангуты, кидане и др. для укрепления своих позиций); усиление обособленности «хань эр»; потерю контроля над Наньчжао, прекращение распространения влияния Китая в восточном направлении вследствие поражения в Таласской битве. Отмеченные и некоторые другие факторы стимулировали обращенность к внутреннему потенциалу нативных традиций, а впоследствии это приняло гипертрофированные формы в виде изоляционизма империй Мин и Цин.

Традиционное представление китайцев о собственном культурном превосходстве было подорвано в эпоху Сун, когда значительная часть национальных территорий была захвачена враждебными северными племенами. На территории Китая появилось несколько новых государств, образованных киданями, тангутами и чжурчженями, а Китай оказался в роли их младшего партнера. Сместился приоритет в привычной ценностной модели культурного превосходства китайцев, подразумевающей, что император путем исходящей от него благой силы Дэ преобразовывал нецивилизованные народы, которые в случае ее принятия совершали подношения дани к высочайшему двору, наделялись титулами и т.д. В противном случае эти народы становились объектами карательных воздействий.

Но даже во времена захвата Китая монголами и маньчжурами, которые ввели дискриминационные законы и порядки, все же сохранилась традиционная китайская культура, позволившая затем возродиться национальному государству. Кроме того, проникновение европейцев также воздействовало на китайскую культуру. Оно преследовало сначала цели преимущественно религиозно-миссионерского характера, воплощение которых иногда влекло за собой уничтожение конфуцианской литературы вновь обращенных китайских христиан. Кроме того, происходила и торговая экспансия, включая и печально известный ввоз опиума из Индии.

Таким образом, в процессе развития традиционной культуры Китая она постоянно сталкивалась с инокультурными воздействиями, как позитивного, так и негативного характера, вырабатывая гибкость и способность ассимилировать и модифицировать включаемые в нее иностранные компоненты. В результате укреплялось, обогащалось и транслировалось ценностное ядро самобытной китайской культуры, включающее добродетели ритуала «ли», лояльности к высшим «чжун», человечности «жэнь», доверия «синь», ценности единения, гармонии и др. Это ядро приобрело устойчивый характер и сохранилось вплоть до настоящего времени. Именно эта устойчивость позволила в современных сложных глобальных условиях сохранять Китаю его самобытность, несмотря на мощные модернизационные процессы.

Глава 2 «Традиционные ценности в китайской культуре» раскрывает ряд особенностей китайской культурной традиции – ее полиморфизм, контрастность и специфику аксиологического компонента.

Параграф 2.1 «Единство традиции в полиморфной культуре Китая» посвящен выявлению культурной многомерности, полиморфизма китайских традиций в сочетании с их сущностью.

Автор обосновывает идею о том, что полиморфизм культурных традиций Китая имеет исходные основания в виде соразвития автохтонных учений – конфуцианства и даосизма, а также усвоения, начиная с I в., буддизма в форме махаяны. Множественность школ, распространяющих идеи этих учений и формирующих связи между ними, с одной стороны, а также

значимость народно-архаичных культов в жизни китайского общества – с другой, воплотились в многогранный феномен китайской духовной культуры. Специфическую ценность представляют собой некоторые внешне парадоксальные черты культуры китайского общества. К числу примеров относятся эгоцентричность и холизм мышления; проявления абстрактного и конкретного в философской мысли; рождение множества изобретений и преклонение перед знаниями, с одной стороны, и частая антипатия к прогрессу из-за опасений нарушения равновесия рабочих мест в условиях перенаселенности – с другой; церемонность и непринужденность в общении; шумливость при скоплении народа, в толпе («жэнао») и невозмутимость, сдержанность в индивидуальном проявлении эмоций; стремление к объединению усилий и ресурсов для совместного решения проблемы и относительно низкая эффективность работы в группе.

В целом показано, что, во-первых, практическая деятельность человека в китайской традиции координировалась в соответствии с духовными максимумами конфуцианства, даосизма и буддизма; социальными регуляторами; специфической мышления, выработанной в среде происхождения (народной или элитарной); национальными и региональными особенностями нравов и обычаев. Во-вторых, целостное мировидение китайцев подразумевает всесторонний подход к осмыслению действительности. Именно такой ракурс мышления выявляет, что наслаждение жизнью невозможно без самоограничения, аскетизма, а уступка резонирует положительным откликом. В-третьих, философская утонченность этой позиции проявляется во всеохватывающем делении вещей и явлений на универсальные рубрикаторы инь и ян и в поиске объединяющего начала. И последнее – амбивалентность и парадоксализм как модусы китайской диалектики в значительной мере содержат в себе иррациональное начало духовной культуры данной нации.

Таким образом, в Китае указанные основные направления развивались на протяжении длительного исторического периода, претерпевали изменения при взаимодействии друг с другом, усиливая каждую систему взглядов и общий интегральный эффект – под влиянием этих тенденций китайская культура приобрела черты полиморфизма. С другой стороны, архаика традиций в Китае обогащалась философским осмыслением проблем через призму учений конфуцианства, даосизма, буддизма.

Параграф 2.2 «Ценности китайской культуры и их эволюция» раскрывает аксиологические основы китайской культуры в социально-историческом ракурсе.

Автор доказывает, что в китайской культуре наибольшую актуальность приобрели общие ценности гармонии, добродетели, мира, семьи, жизни, труда, знаний, оптимального сочетания иерархии и эгалитаризма и др. Но эти ценности по-разному преломляются в основных направлениях культуры. Через конфуцианство они проникали во все сферы обществен-

ной жизни и в силу этого приобрели важный социальный смысл. Даосизм, напротив, ставил под сомнение все, кроме Дао и ценности личности. А инкорпорированный в китайскую культуру буддизм стремился избавиться от оков окружающего мира, зачастую провоцируя отрыв от взаимодействия с семьей и обществом.

Рассмотрение указанных общих ценностей осуществлялось в соответствии с их координационными связями: гармония через неприятие борьбы стремится к миру; в умиротворенности организовывается собственная жизнь, ориентированная на долголетие; жизнь протекает в совершенствовании через труд; прагматизм выявляет наиболее эффективный путь приложения усилий в труде; полезная трудовая деятельность осуществляется под началом добродетели; добродетель уравнивает иерархию, питает равенство; иерархия складывается путем бережливого обращения и накапливания духовных (социальный статус) и/или материальных (экономический статус) благ; собственные заслуги и достижение определенного статуса в обществе вносят вклад в благосостояние и престиж семьи; в семье закладываются базовые знания и ей определяются кандидаты на получение образования.

Обосновано, что в китайской традиционной культуре ценности разнополярны, но, в то же время, едины; носят как запредельный, так и практический характер. На высшем плане реализации принципа предустановленной гармонии они могут быть условно отнесены к трансцендентному, трансцендентальному и реальному порядкам. Первые обнаруживаются на уровне государства: «Сын Неба» являлся сакрализованной фигурой, избранной Небом за наличие в нем моральной силы Дэ, и власть его не была ограничена законом. Император осуществлял посреднические функции между земным и загробным мирами, совершая жертвоприношения усопшим предкам. На уровне семьи имеет место настроенность на мирные и гармоничные отношения, но во внутренней иерархии. Данный настрой переходит вовне, на общество в целом. На уровне человека – это умение обращаться с силой «ци» и т.д.

Ценности трансцендентального характера проявляются в человеке, с одной стороны, в аспекте постоянного «вслушивания» в мир и в себя, «прозревания» истинного смысла и предназначения вещей и явлений через контекст Дао. С другой стороны, судьба человека интерпретируется как небесное предопределение (одновременно в китайской культуре также существовали идеи созидания конкретной судьбы самим человеком и покорности судьбе). Практический пласт ценностей культуры выражен в приверженности к витальной гармонии.

В процессе эволюции культуры в духовной жизни Китая периодически превалировали увлечения конфуцианством, буддизмом или даосизмом, усиливая влияние присущих тому или иному учению ценностных ориентаций. Например, несмотря на то, что конфуцианство было государственной идеологией с основания Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г.) до Синьхай-

ской революции, с конца Восточной Хань (25-220 гг.) до эпохи Сун (960-1279 гг.) преобладал интерес к даосизму и буддизму, а последний достиг наибольшего расцвета при династиях Суй (581-618 гг.) и Юань (1260-1368 гг.).

Полиморфизм культурных корней китайской культуры сформировал несколько векторов созидания ценностей: первый исходит от человека – направлен на достижение гармонии его с самим собой, целостной жизни, невозможной без окружающего мира (семьи, государства); второй – от общества, в котором сосредоточены ценности традиционализма, искусства управления гармоничным объединенным государством и т. п.; третий – от мироздания: выражается в уходе от суеты обыденности и слиянии с природой.

Таким образом, показано, что в основе китайской культуры лежит система общих ценностей – гармонии, добродетели, мира, семьи, жизни, труда и др., которые своеобразно проявляются в разных направлениях китайской культуры. Эти отточенные столетиями эволюции универсальные ценности приобрели непреходящий характер, который позволяет китайской культуре не теряться в исторических перерождениях, а выходить по мере снятия неактуальных наслоений обновленной и адаптированной к новым реалиям.

Глава 3 «Специфика культурных традиций современного Китая» раскрывает результаты исследования влияния межкультурных взаимодействий в культурно-идеологической сфере современного Китая, а также особенности китайского прагматизма и тенденции его развития применительно к современным реалиям.

Параграф 3.1 «Взаимодействие векторов дестабилизации устоев и возврата к традиции в современном Китае» фиксирует процессы нивелирования и последующей реставрации традиций.

Поражение в «опиумных войнах» продемонстрировало неготовность Китая к западным способам ведения войны, стимулировав попытки общения к более передовому опыту в этой сфере путем активного заимствования знаний Запада. Также началось изучение достижений иностранной социально-философской мысли китайскими интеллигентами с активной гражданской позицией. После бесславного для Китая окончания военных действий XIX в., несмотря на зарождение выраженного критического отношения к императорской власти маньчжурского двора, у населения еще не созрела решимость отвергнуть «старую» китайскую культуру. Этого также не произошло и на рубеже XIX-XX вв., после тяжелого урока восстания ихэтуаней и роста убеждения о необходимости следования западному пути, став возможным впервые только для поколения «движения 4 мая» 1919 г.

В начале XX в. дальновидная часть китайского общества проявляла большой интерес к европейской, американской и русской культурам, ран-

жируемый от винтовок, паровозов и т.п. символов эпохи до идейных течений, наибольшей популярностью из которых пользовались демократия, либерализм, социализм, анархизм и коммунизм. Конфуцианство пережило время критики с 1919 по 1979 гг., когда в Китае сначала шла интенсивная идеологическая полемика, а впоследствии утвердилось магистральное коммунистическое направление. После 1978 г. пересмотр китайским руководством непреложности принципов марксистской парадигмы дал толчок к новому витку обращения к собственной традиционной культуре, заполнившей духовную лауну в национальном самосознании.

В настоящее время глобализация и проводимый Китаем курс на открытость окружающему миру создали предпосылки для активного усвоения продуктов, достижений и инноваций иных культур. Межцивилизационные контакты, интенсифицировавшиеся в последнее время, повысили восприимчивость китайской культуры к конструктивному взаимодействию с носителями иностранных ценностей и норм поведения. Но при этом многочисленные недавние выходы из крестьянской среды, переселившиеся в города, по-прежнему находятся в сложном внутреннем конфликте. Он проявляется, с одной стороны, в сильном интересе к плодам глобализирующейся культуры, а с другой – в их собственной неподготовленности к надлежащему обращению с ними. Усугубляют ситуацию стереотипы, проистекающие из омраченного столкновениями исторического прошлого во взаимодействиях с представителями Запада, речевые обороты, несущие негативную окраску «иностранины», недостаточное образование в данной сфере и т.д. Что касается образованной части населения, то она активно интериоризирует элементы «глобализированного» быта.

Итак, китайская национальная культура неоднократно подвергалась тяжелым испытаниям; только в XX в. вышла из нескольких кризисных состояний еще более мобилизованной для сплочения нации на пути ее современного развития. В настоящее время она предстает как целостное, довольно устойчивое образование. Она продемонстрировала свои ценные адаптационные возможности, влившись в динамику изменений, которым подвержен современный мир. В настоящее время для Китая обеспечение стабильности и поддержание традиций сопряжены с потребностью безостановочно осваивать диверсифицирующиеся возможности преобразования действительности, во многом предоставляемые глобализацией.

Параграф 3.2 «Ретроспектива и тенденции прагматики современной социокультурной жизни Китая» посвящен раскрытию феномена китайского прагматизма как центросплетения традиционного ценностного самосознания и современных реалий жизни общества в Китае.

Отмечено, что внешние компоненты глобализирующейся культуры человечества отчетливо просматриваются в своеобразном облике современных китайских городов. Кроме того, в настоящее время при сохранившемся у населения ощущении ценностей традиционности и практицизма

на государственном уровне проводится поворот к возрождению традиций. В новых условиях декларируемого «рыночного социализма» и роста мировой популярности китайской культуры у молодого поколения китайцев постепенно утрачиваются ценностные ориентации, которые формировались под воздействием идеологии партии до начала политики «реформ и открытости».

С одной стороны, утилитаризм и прагматизм укоренены в китайской традиции и имеют четкое философское выражение в наследии школ древности – моистов и легистов, а также прагматистов XX в. Практицизм (или китайский прагматизм как элемент системы ценностей) исподволь присутствует во всех направленных на мироустройство философских учениях Китая. Он также имеет место во взаимоотношениях общества и личности, в стремлении благоприятно упорядочить свое жизненное пространство и добиться практически полезного результата. В народной культуре отражается прагматично-реалистическое отношение к объектам культа, политической ситуации, к взаимоотношениям индивида с социальной общностью (семья, клан, государство и др.), к организации труда, природопользованию и пр. С другой стороны, эти характеристики китайской культуры взаимодействуют с современными глобальными ценностями. Это укрепляет традиции прагматизма в китайской культуре.

Обосновано различие утилитаризма в китайской и западной культурах – как неоднозначность пониманий его философского и обыденного вариантов. В отношении первой формы китайская традиция апеллирует к умеренности и преодолению эгоизма, имеет этическую подоплеку в виде стремления к добродетельной в конечном итоге цели, а западная мысль продвигает идею гедонизма. Во втором выражении критерием успешной деятельности утилитаристского характера в Китае является статусность, а на Западе – достижение самореализации.

Таким образом, в современной культуре Китая ярко проявляется такое ее ценностное свойство, как прагматизм. Он формировался в течение длительного периода национально-исторического развития. В современном Китае пропагандируется утилитарно-прагматическая концепция долга в виде аксиологической идеи о том, что полученный благодаря участию в жизни общества капитал каждый человек должен возратить этому обществу путем благопристойного поведения, соблюдения моральных и этических норм. Ценность прагматизма также стимулирует переход от накопления к потреблению во внутренней жизни страны и конвергенцию рыночной экономики с социалистическими ориентирами. Кроме того, с XX в. китайский прагматизм значительно обогатился новыми чертами прагматизма западного типа. Современная прагматическая культура Китая является одновременно и традиционной, и новационной, способствует активному вхождению китайского государства в глобальный мир.

В заключении диссертации подведены итоги исследования, выявлены культурфилософские проблемы, возникшие при выполнении диссертационной работы, обозначены некоторые перспективы разработки данной темы.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях

1. Традиционное и инновационное образование в культуре Китая (статья) / Философия образования. – Новосибирск : Изд-во СО РАН. – 2010. – № 1 (29). – С. 138–144.
2. Ценности Китая: традиции и современность (статья) / Философия, методология и история знаний : Сборник научных трудов Сибирского ин-та знанияеведения. – Вып. VII. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. – С. 161–168.
3. Связь традиций и современности в культурах государств (статья) / Социальные процессы в современной Западной Сибири : Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2009. – С. 31–34.
4. Китайские ценности в конфуцианской традиции (статья) / Актуальные проблемы гуманитарного знания в философии и культурологии. Мат-лы межрегиональной научно-практич. конф. – Барнаул : АлтГПА, 2010. – С. 152–159.
5. Традиции и прагматика жизни современного Китая: аспекты взаимодействия (статья) / Интеллектуальный потенциал ученых России. Труды Сибирского ин-та знанияеведения. – Вып. X. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. – С. 42–50.
6. Глобальное и национальное в культуре современного Китая (статья) / Интеллектуальный потенциал ученых России. Труды Сибирского ин-та знанияеведения. – Вып. X. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. – С. 70–78.
7. Образование в культуре современного Китая (статья) / Российское образование в XXI веке (философские, социально-культурные и психолого-педагогические аспекты). – Бийск : АГАО им. В.М. Шукшина, 2010. – С. 38–41.

Подписано к печати 24.11.2010. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 1,2. Усл. печ. л. 1,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 97

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru